

№ 64
Ноябрь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Из далекого прошлого

Из воспоминаний старого морского офицера

В тот период времени, о котором ниже идет речь, морским агентом в Германии состоял капитан 2-го ранга Александр Клементьевич Полис. Меня с ним связывало давнее близкое знакомство и поэтому мы взаимно поддерживали корреспонденцию. Из его частых писем и из

разговоров при приезде его в Петербург, я знал поэтому много таких деталей его деятельности, которые иным путем наверное никогда до меня бы не дошли, хотя по должности, которую я занимал в Главном Морском Штабе, я официально был в курсе всех дел военно-морских агентов — наших заграничей и иностранных у нас.

А. К. Полис был по характеру своему очень подходящий человек для порученного ему ответственного дела. Способный, талантливый и находчивый, он быстро ориентировался и повел свою работу по правильному пути. Его такт и умение обращаться с людьми и присущая ему способность быстро завоевывать симпатии окружающих, помогли ему занять в немецкой столице совершенно особое положение и, как при Дворе и в морских сферах, так и в обществе, он очень скоро стал общим любимцем.

Император Вильгельм, повидимому, питал к нему большое расположение. По рассказам Полиса, он нередко получал приглашения на интимные вечера, где собирались лишь близкие Вильгельма и, с хорошей сигарой, за кружкой доброго пива, вели совсем откровенные беседы. Полис, однако, говорил, что его положение на таких собраниях было не легкое. Император затрагивал самые разнообразные темы, задавал совсем неожиданные вопросы, и надо было быть все время на чеку: уметь отвечать так, как подобало отвечать русскому морскому агенту Главе Германии, сохраняя в то-же время тон интимной беседы. При таких условиях как-то был поднят вопрос о том, что было бы своевременно встретиться Императору Вильгельму с нашим Государем. На очереди стояли вопросы перестепенной важности, которые, по мнению немецкой стороны, лучше всего было бы решить непосредственно, при личном свидании Монархов. Но наладить такое свидание считали желательным пока не официально, так чтобы все предварительные переговоры и сношения происходили совершенно секретно. И вот, на долю

Полиса выпала роль посредника для переговоров, выяснения, желательно ли и нашему Государю такое свидание и, в утвердительном случае, где и когда. Попав в такой необычный для морского офицера водоворот, взяв на себя столь серьезное поручение, Полис сам увлекся этой задачей, да и самая суть предстоящих при свидании разговоров, ему очень уже известная, надо думать, интересовала его не мало.

Наезжая в Петербург по делам на короткие сроки, Полис делился со мною ходом этого дела, о котором, я полагаю, в то время очень мало кто у нас знал.

Полис энергично принялся за работу, готовя почву, и сумел, в конце концов, и с нашей стороны получить согласие на предполагаемое свидание. Все это я здесь рассказываю в коротких словах, но на деле, конечно, потребовалось не мало времени на подготовку такого исторического события. Наконец, в один прекрасный день стало известно, что такого-то числа состоится свидание двух Императоров в Ревеле, Министр Иностранных Дел узнал об этом, как о решенном уже деле, вероятно не вполне уясняя себе, как это могло произойти, и не допуская, чтобы все было обуродовано и доведено до такого конца нашим морским агентом. Отношение его к Полису, по сведениям, которые до нас доходили, стало крайне неблагоприятным и он резко критиковал его самостоятельные действия. Конечно Полис, как морской агент, был причислен к Посольству в Берлине и, в некотором роде, принадлежал к дипломатическому корпусу. Но, в данном случае, он бы связан поручением, данным ему лично, и должен был действовать отчасти на свой страх и риск.

В Главном Морском Штабе, где я в то время служил в Военно-Морском Отделе, мы официально узнали о предстоящем свидании из письма Министра Императорского Двора, общавшего Морскому Министру подробности о предстоящем путешествии Государя на яхте «Штандарт», с перечислением лиц, намеченных для сопровождения. В то же время Министр запрашивал, кто будет сопутствовать из состава Морского Ведомства. Составить при Императоре Вильгельме был назначен вице-адмирал генерал-адъютант О. К. Кремер.

Главному Морскому Штабу предстояло сделать разные распоряжения в связи с плаванием яхты, соответственно подготовить Ревельский

порт, позаботиться о надлежащем снабжении яхты и пр.

Обычно, при подобных путешествиях сопровождал Министру его адъютант и, иногда, начальник Наградного отделения Штаба, чиновник опытный в составлении приказов и рескриптов, которые часто появлялись в итоге Царских путешествий и морских смотров. В данном случае предполагалось произвести смотр Артиллерийскому Отряду и присутствовать на его стрельбах и эволюциях и, следовательно, надо было предвидеть, что подобные рескрипты и приказы несомненно должны последовать. Но в настоящем случае почему-то признали необходимым отступить от принятых порядков. Меня потребовали к себе Начальник Штаба и приказал быть готовым на следующий день отправиться в Кронштадт на яхте Министра «Нева», где перебраться на «Штандарт» и состоять в его, Начальника Штаба, распоряжении. Я все-таки спросил адмирала Авелана, в качестве кого я буду ему сопутствовать и не надо ли мне взять с собой какие-либо справки и материалы. «Ничего не надо», ответил мне Федор Карлович, «там видно будет». Приказание было категорическое и рассуждать, значит, было нечего. Я, разумеется, был очень доволен предстоящим плаванием. Вырваться на время из штабной рутины всегда было приятно, а тут тут еще перспектива быть свидетелем зрелища единственного в своем роде, видеть вблизи двух монархов и все, что связано с таким историческим свиданием.

Сборы мои были недолгие и в назначенное время я был на яхте «Нева», стоявшей у пристани в Неве, близ Английской Набережной. Постепенно на яхту стали прибывать лица свиты Его Величества. На катере подошел морской министр с начальником штаба. Приехал министр иностранных дел со своим начальником канцелярии, генерал-адъютант Кремер и др. Вскоре яхта, отдав швартовы, плавно отошла от пристани и тронулась по фарватеру, обставленному буйками, в Кронштадт.

Время до Кронштадта прошло незаметно, и мы оказались на рейде, уже подходя совсем близко к «Штандарту». Команда на нем была выстроена во фронт и на шанцах стояли в строю по старшинству офицеры яхты, на левом фланге которых пристроились врачи, судовой священник и самый последним стоял какой-то господин во фраке и цилиндре. Министр, поздоровавшись с командой, пошел по фронту офицеров, сопровождаемый командиром яхты, называвшим фамилии. Командир этот, флигель-адъютант, капитан первого ранга Л., прекрасный, опытный моряк, давший флоту немало дельных унтер-офицеров за время командования им учебным судном, был очень полный, страдал одышкой и говорил медленно и с пере-

рывами. Поэтому вышло так, что называемые им фамилии уже не соответствовали стоявшим перед министром офицерам. Это заметил и сам командир, запутался вообще в фамилиях, пробормотал что-то, подойдя к священнику, а перед последним, стоявшим во фронте господином во фраке, громко возгласил «...и батюшка Попов». Таким образом оказалось, что «батюшка» пропущен, а господин стал «батюшкой Поповым». Он был действительно Поповым, известным изобретателем радио-телеграфа. Министр хотел его представить Государю и поэтому пригласил на яхту. Этот маленький инцидент вызвал улыбку на лицах присутствующих и сконфузил Попова.

Затем начальство разошлось по своим каютам, и мне указали назначенное помещение. Отвели мне одну из свитских кают, прекрасно обставленную, переборки которой были обтянуты красным кретоном. Вскоре на рейд подошла из Петергофа и Царская яхта «Александрия» и вслед за тем к трапу пристал катер, с которого поднялся на «Штандарт» Государь, Великий Князь Генерал-Адмирал Алексей, Министр Двора и другие чины свиты. «Штандарт» тотчас же снялся с якоря и дал ход, направляясь в Ревель.

Вечером Флаг-Капитан Его Величества Генерал-Адъютант Н. Н. Ломен все время беспокоил запыхавшегося командира яхты. Между прочим, к следующему дню надо было готовить иллюминацию яхты при помощи электрических лампочек и Флаг-Капитан требовал, чтобы это было красиво и эффектно, как подobaет Царской яхте. Но тут, как на зло, оказалось, что забыли принятые в Кронштадте необходимое количество лампочек и приходилось поэтому ограничиться сравнительно скромным освещением. Я оказался случайным свидетелем разговора по этому поводу Флаг-Капитана с командиром. Т. е. командир ничего не говорил и мрачно молчал, а Флаг-Капитан изощрялся в весьма крепких выражениях, по своему обыкновению, пересыпая их разными нелеплыми сравнениями и примерами, которые на тот раз были особенно выразительны. Влетело тогда изрядно и командиру яхты и ревизору.

К полудню следующего дня стали вырисовываться очертания берегов и вскоре стал виден и город Ревель с расположенной на высоком уровне киркой св. Олая. Очень красив был вид с моря на этот город с его старыми постройками совсем особого стиля.

Яхта «Штандрт» стала на якорь на рейде. Тотчас же к ней подошли катера с местными властями, военными и гражданскими. Но имея пока никаких занятий, я с интересом наблюдал кипучую жизнь, связанную с подобным Царским посещением. Государь неоднократно вы-

ходил на палубу, где ему представлялись некоторые приехавшие лица. Иных он принимал у себя внизу.

Иллюминацию, о которой выше шла речь, тем не менее, кое-как к вечеру наладили, и Царская яхта и конвоирующий ее крейсер «Светлана», тоже иллюминированный, несомненно все же представляли красивую картину для revelцев.

Офицеры яхты и я в том числе поочередно приглашались к Царскому столу. Сидели мы, младшие офицеры, в самом конце стола и тут же рядом с нами сидел и сам Гофмаршал. Обычно граф Бенкендорф докладывал Государю, что завтрак подан, и тогда все спускались в столовую за Государем. Лакеи на подносах обносили закуски. Государь же закусывал стоя у отдельного стола. Затем все рассаживались. Завтраки всегда были прекрасные. Вина было в изобилии, особенно щедро подавали шампанское. Меня поражало, как лакеи то и дело уносили чуть начатые бутылки и вместо них ставили полные. А пили, вообще, за столом очень мало и было очевидно, что прислуга устраивает свои личные коммерческие операции. Присутствие тут же Гофмаршала их нимало не стесняло. Завтраки проходили очень оживленно, Государь занимал место во главе остола, справа от него сидел Великий Князь Алексей, слева — Генерал-адъютант Кремер. Оба они обладали неисчерпаемым запасом анекдотов и веселых воспоминаний, иногда довольно легкого жанра. Великий Князь рассказывал один из своих номеров и немедленно затем О. К. Кремер занимал присутствующих рассказом из своего запаса. Государь все время улыбался, и все были весело настроены.

На второй день прибытия яхты в Ревель утром на горизонте показались дымки и вскоре обрисовались и силуэты судов. Приблизилась яхта Императора Вильгельма II-го «Гогенцоллерн» с конвоирующими ее судами. Вплотную за яхтой, точно нераздельно с нею связанное, шло маленькое посыльное судно «Слейпнер».

Как только яхта стала на якорь, Государь вышел наверх в форме германского адмирала и, с Великим Князем и адмиралом Кремером, отбыл на «Гогенцоллерн». Вернувшись обратно, Государь тотчас же спустился вниз. Вскоре он снова поднялся наверх, но уже в нашей тулупке и, обращаясь к стоявшим поблизости офицерам, сказал, улыбаясь, что ему приятно снова облачиться в нашу форму. Его Величество, однако, не надолго оставил в покое. Показался катер, идущий от германской яхты, и Государь, снова переодевшись, вышел к трапу встречать Императора Вильгельма.

Быстро поднявшись по трапу, Вильгельм принял установленные рапорты и пошел с Государем по фронту команды, с которой позд-

ровался по-русски, а затем обошел и фронт офицеров, внимательно выслушивая фамилии представляемых ему. На этот раз Император был в форме драгунского полка, помню, что был белый околыш фуражки и белый воротник на сюртуке. Оба Монарха и лица их свиты оставались наверху на палубе до завтрака. Центром всего общества был Вильгельм. Он говорил по-французски, много шутил, смеялся, все время был в движении и казался, вообще, очень нервным и возбужденным. За завтраком вел разговор почти он один с Государем, но говорил он так оживленно и, надо сказать, интересно, что все его внимательно слушали. Вскоре после завтрака он вернулся на свою яхту, чтобы затем встретиться снова с Государем на маневрировании и стрельбах Артиллерийского Отряда под командой адмирала З. П. Рождественского.

В два часа, после отдыха, суда начали эволюции по заранее выработанной программе и выполняли все маневры с поразительной точностью, попутно стреляя по цитам, буксируемым миноносцами.

Обедая Государь на «Гогенцоллерне». Вечером масса вольных шлюпок окружили яхты, на некоторых пели хоры, видимо, вообще, настроение у горожан было праздничное, к тому же и погода стояла роскошная.

На следующий день с утра была снова назначена стрельба с судов Отряда и другие учения. Вильгельм прибыл на «Штандарт» на этот раз в форме русского адмирала. Немецкие морские офицеры при всякой форме носили саблю и, видимо, им нравилось наше удобное и красивое оружие — кортик. На эту тему были разговоры и стало известно, что и в своем флоте с этих дней Вильгельм ввел ношение кортика. Для нас же, русских офицеров, эти дни ознаменовались разрешением носить накидку черного цвета, как у германских офицеров, что было очень удобно и практично. Снова все эволюции судов Отряда исполнялись блестяще и вызвали похвалу Вильгельма.

Между тем на «Штандарт» прибыла делегация от Выборгского пехотного полка, — командир полка, адъютант, ротный командир и фельдфебель. Император Вильгельм был шефом полка. Фамилия командира полка была, как я помню, немецкая; когда по возвращении на яхту Вильгельм принял делегацию на верхней палубе, то к командиру он обратился по-немецки. Однако, полковник ему доложил по-французски, что немецкого языка совершенно не знает. Вообще из чинов делегации никто по-немецки не говорил.

Офицеры яхты «Штандарт» и лица, сопровождающие Государя, к этому времени уже получили немецкие ордена, и нас всех, украшенных ими, построили во фронт на верхней палубе. Вильгельм с Государем обошли всех, фами-

ли многих Государь называл сам, других же представлял начальство. Тут Император Вильгельм сумел сказать каждому из нас несколько любезных слов, пожимая руку.

К обеду Император Вильгельм снова появился на «Шмандарте» и опять в другой форме. Я присутствовал на этом обеде и помню, что и тут Император Вильгельм овладел общим вниманием, говоря очень много, и слушали его с интересом. Он был очень оживлен и весел. Удивительно ловко он справлялся во время обеда одной только правой рукой, — левая была парализована.

На последний день пребывания был назначен своз с судов десанта на остров, маневрирование десанта и, в заключение, взрыв заложенной мины. Все это было отчетливо проделано и заслужило много одобрений.

Этим закончился смотр Артиллерийского Отряда, и все вернулись на яхту. Тут Вильгельм представил Государю немецких офицеров, награжденных русскими орденами. Я помню, нас поражало, как Император Вильгельм знает своих офицеров, до последнего мичмана. Представляя и называя фамилию, он о каждом находил, что сказать, иногда — добродушно пошмеивался или поддразнивал своих офицеров, словом, — видимо, хорошо знал характеристику каждого.

На другой день яхта «Гогенцоллерн» покинула ревелский рейд. Со «Штандарта» мы наблюдали за приготовлениями к съемке с якоря. Наконец, яхта, к корме которой опять точно прилип «Слейпнер», тронулась в обратный путь, быстро удаляясь.

Государь был на верхней палубе и так же смотрел вслед «Гогенцоллерну». Неожиданно он обратил внимание командира на поднятый на последнем сигнале. Никто на «Штандарте» его не заметил. Действительно, в море был штиль, флаги повисли, прикрывая друг друга, и поэтому их плохо было видно. На мостике, куда поднялся и Государь, старались разобрать сигнал, но это долго не удавалось. Наконец, все-же сигнал был разобран Он гласил: «Адмирал Атлантического океана шлет привет Адмиралу Тихоокеана». Государь улыбнулся и заметил, что этого не может быть, сигнал разобран неверно. Однако, еще и еще были проверены флаги по сигнальной книге и получалось все те же самое. Сомнений не могло быть, сигнал передавал именно эти громкие слова. В ответ тогда был поднят сигнал: «Благодарю, желаю счастливо-го плавания».

Долго потом на все лады обсууждался этот сигнал. Да и теперь еще о нем иногда вспоминают.

Торжества по случаю встречи двух Монархов закончились и Государь, запросто разговаривая с офицерами, не скрывал, что он снова

облегченно вздохнул. Вообще, на меня, далеко-го от придворных сфер, Государь произвел неизгладимое впечатление своим неизменно добродушательным и простым обращением с окружающими. Меня, например, он мог знать только в лицо. Я не мог допустить, чтобы он знал и мою фамилию, названную ему лишь при представлении офицеров. Но я помню, как однажды утром, часов в 9-ть, я стоял один на верхней палубе, а Государь ходил по ней взад и вперед. Вижу я, Государь круто поворачивает и направляется к левому борту, прямо ко мне. Я в недоумении вытянулся. Государь подошел ко мне и, сказал: «Здравствуйте, мы сегодня с вами еще не виделись», пожал мне руку. При этом я как-будто расслышал и свою фамилию, им произнесенную, но не верилось все же, и я склонен был считать, что мне это только показывалось. Однако многие мне говорили, что это было вполне возможно, так как память у Государя была поразительная. Этот маленький эпизод отчетливо врезался мне в память. Очень прост был Государь в обращении с лицами своей свиты, а они, на мой взгляд, совсем мало стеснялись. Я находил тогда, что не мешало бы им быть более подтянутыми в присутствии Его Величества. Видно таков уж был тон при Дворе. Заметно выделялся своей неизменной корректностью, везде и всегда, министр Двора барон Фредерик и, пожалуй, мог бы служить примером для некоторых других. Эти мысли мои, впрочем, как я уже сказал, мысли человека, попавшего в необычную для него сферу, от которой я стоял, конечно, далеко.

Министра иностранных дел графа Ламздорфа мало было видно. На сметы он не ездил и был занят со своим начальником канцелярии. Императора Вильгельма тоже сопровождал его министр иностранных дел, кажется, князь Булов. Командиром яхты «Гогенцоллерн» был контр-адмирал граф Баудисин, который знал меня уже раньше, будучи командиром броненосца «Дейтчланд». Я состоял тогда при немецком адмирале во время пребывания его в Кронштадте и прожил несколько дней на этом броненосце. За это время я близко познакомился с графом, вместе мы пили на броненосце чудное гиво из боченков и ели сосиски с кислой капустой, его любимое блюдо. Теперь мы встретились, как старые друзья, и граф меня поддразнивал, называя «чернильной душой», так как я служил в штабе. Он сам с отвращением вспоминал, как ему тоже пришлось посидеть в адмиралтействе в должности начальника Гидрографического Управления.

Император Вильгельм относился к командиру своей яхты удивительно дружески и добродушно. Да и правда, надо сказать, этот адмирал был на редкость симпатичный человек.

Итак, как я сказал уже, торжества окончи-

лись, и к вечеру был назначен обратный поход в Кронштадт.

Государь еще побывал на флагманском корабле, где благодарил Адмирала Рождественский и зачислил его в свою свиту.

Затем, я помню, вернувшись на яхту, Государь приказал вызвать наверх А. К. Полиса и на шканцах долго, тихим голосом с ним разговаривал, пожал ему руку и сам прикрикнул ему на грудь крест Св. Владимира 4-ой степени. Полис был после этого очень растроган, но подробностей мне не рассказывал. Я в это время был наверху и оказался таким образом случайным свидетелем беседы Государя с Полисом.

В назначенное время яхта снялась с якоря и направилась в Кронштадт, конвоируемая крейсером «Светлана» и, кажется, миноносцем или минным крейсером.

Вот тут то и наступила для меня мучительная ночь, которая до сих пор ясно сохранилась в памяти. Тотчас после обеда, а это было уже в 9-м часу вечера, Начальник штаба позвал меня в каюту министра и П. П. Тыртов весьма определенно, в коротких словах приказал мне приготовить к утру рескрипт для подписи Государем на имя Великого Князя Алексея с благодарностью за блестящее стояние и примерное обучение Артиллерийского Отряда и приказ Генерал-Адмирала по Флоту с подробным изложением всех выдающихся качеств Отряда и с благодарностью, по категориям чинов, всему личному составу его. Сказав все это, как нечто самое обычное, Министр отпустил меня, а Начальник штаба ушел пить чай в Царскую столовую.

Не имея никакого представления, как пишутся подобные рескрипты и приказы, я сразу почувствовал себя совершенно беспомощным. В штабе я служил еще сравнительно недавно и к этой части деятельности штаба никакого отношения не имел. Все же, раздобыв бумаги, я принялась фантазировать на заданную тему, но вскоре убедился, что попытки мои неудачны и я никак не мог ухватить стиль таких Высочайших приказов. Спросить — некогда, посоветоваться — не с кем. На яхте постепенно уже все затихло. Все, кто могли, наверное уже покоятся мирным сном, а время идет, уже 12-й час, и я ничего еще не сделал. Я волновался, не знал, что предпринять. В конце концов ничего другого не оставалось, — надо было идти к Начальнику штаба и просить его дать мне хоть какие-нибудь указания. Стучу в дверь его каюты, — ответа нет. Тихонько открываю дверь, вхожу и вижу: под голубым шелковым одеялом лежит гора, — Федор Карлович Авелан был крупный мужчина, — и раздается громкий храп. Ну, думаю, на то он и Начальник штаба, чтобы заботиться о

подобных делах, зачем взял меня, неопытного, с собой, сам виноват. «Ваше Превосходительство, Федор Карлович!» В ответ мне — усиленный храп. Я подхожу вплотную, трогаю его за плечо, — он недовольно поворачивается на другой бок и еще сильнее храпит на новый тон. Еще и еще мои попытки терпят поражение и я, в оконце концов, в отчаянии отступаю. Тут мне приходит в голову единственное, что еще можно сделать: надо раздобыть в судовой ванделярии «Сборник Приказов по Морскому Ведомству», в нем, возможно, найдутся подходящие примеры. Однако, надо еще найти этот «Сборник», а для этого найти сперва подкипера или писаря, знающего, где он хранится. А время все идет, уже 2-ой час ночи, и все еще я не сдвинулся с места! Но тут мне, наконец, повезло, подкипер почему-то еще не спал, и нужную мне книгу приказов я быстро раздобыл. Теперь оставалось подыскать что-нибудь подходящее, что могло бы меня выручить. С трепетом перелистывал я страницы «Сборника». Если в нем ничего не найдется, то оставалось только бросить все попытки и лечь спать.

Пол книги пересмотрено — ничего подходящего. Смотрю дальше и, наконец, попадается какой-то длинный Высочайший приказ по поводу смотра новобранцев. Это, пожалуй, пригодится: хоть форму и особый язык таких документов я тут могу усмотреть. Начинаю стряпать проэкт, потом — другой, наконец — что-то выходит, как будто удачно.

Ничего не упущено, особенно — в приказе по Флоту. Теперь остается еще это переписать начисто, но машинки, конечно, нет, да и печатать на ней, положим, ночью некому. Пишу от руки, стараюсь во-всю и, вот, наконец, все готово. Уже 5 часов утра, глаза слипаются, нервы раздерганы. Чувствуется полное одиночество в этой работе. Ответственность и неуверенность, что сделано именно то, что нужно, тоже удручают. Как никак, ведь готовится документ, который будет представлять самому Государю, и вот это больше всего меня волнует. Ну, будь, что будет... Укладываюсь спать, чтобы к 8-ми, к подъему флага, быть непременно наверху. Не лисню, удалось-ли мне заснуть в эту тревожную ночь, но к 8-ми часам я был уже на ногах.

Вскоре меня позвали к Министру. Тут же находился и Начальник штаба. Я передал им свою работу, и они оба быстро прочли написанное. К моему удивлению никаких замечаний не оказалось, были лишь пустяшные поправки, которые я тут же мог сделать, не переписывая. Не имея понятия о том, чего все это мне стоило, они отнеслись к этой работе, как к самой обычной, и лишь Министр, отпуская меня, сказал несколько любезных слов. Для них, действительно, такие приказы были самым обыденным явлением и составлению их они, естественно, не

придавали особого значения. У меня же гора свалилась с плеч. Впоследствии, уже в Штабе, начальник Наградного отделения любопытствовал, кто это без его участия так удачно составил документы, и я был весьма польщен такой оценкой за свой экспромт. Счастливо я вышел из такого неожиданного затруднительного положения. Рескрипт и приказ были благополучно подписаны Государем утром.

В Кронштадте яхты «Александрия», «Стрела», и «Нева» уже стояли на рейде в ожидании «Штандарта». Государь попрощался с офицерами и командой и на «Александрии» отбыл в Петергоф. Вслед за ним, на яхте «Стрела» отправился в Петербург Великий Князь Алексей в сопровождении многих лиц свиты, Морского Министра и Начальника Штаба.

Министр Иностранных Дел граф Ламздорф в числе некоторых, еще оставшихся лиц Свиты, А. К. Полис и я перебрались на яхту Морского Министра «Нева», которая тоже направилась в С.-Петербург.

Граф Ламздорф видимо игнорировал Полиса и, вообще, относился к нему недружелюбно. Полис обратил на это мое внимание, но, как будто, сам значения этому не придавал и был в самом лучшем настроении. В разговоре по этому поводу он мне, между прочим, сказал, что во время обеда он свои отношения с графом улучшит, и я буду свидетелем, как это произойдет. Понятно, меня эта перспектива очень заинтересовала, но я не представлял себе, чтобы Полис мог действительно рассчитывать на успех.

Наз попросили к обеду. Все расселись и

вскоре граф Ламздорф обратился к Полису по какому-то поводу в связи с состоявшейся встречей Императоров в Ревеле. И тут я оказался в самом деле свидетелем, как тон обращения графа постепенно менялся, становился любезнее, внимательнее. Со всеми соображениями и доводами Полиса он стал соглашаться и к концу обеда они были в самых добрых отношениях, настолько, что граф Ламздорф усиленно приглашал Полиса навестить его на даче, на Островах, где он проводил летние месяцы.

Полис удивительно ловко и тактично вел разговор, рассказал про особое внимание к нему Императора Вильгельма, упомянул о приглашениях на интимные собрания, об оказанном ему доверии и данном лично ему поручении, о котором и нашему Государю было известно, и много еще других подробностей о пребывании своем в Берлине, представлявших немалый интерес. Граф неоднократно повторял, что ему все это не было известно, что это совершенно меняет дело и, что, конечно, Полис великолепно выполнил порученное ему и оправдал адежды, которые на него возлагались. Видно было, что добрые отношения налаживались вполне и все, в конце концов, вышло именно так, как предсказывал Александр Клементьевич Полис. Я должен был преклониться перед его дипломатическими способностями, которых ранее не знал.

Так окончились эти исторические дни, для меня полные интереса и новых впечатлений, и я снова вернулся к своей повседневной работе в Главном Морском Штабе.

В. Штенгер

